

Р2
П 75

Б
И
Б
Л
И
О
Т
Е
К
А
У
Т
Е
Ш
Е
С
Т
В
И
Й
Р
И
К
Л
Ю
Ч
Е
Н
И
Й

А. ГРАЕВСКИЙ

НА СЕВЕР!

Выпуск 10

Пермское книжное издательство
Пермь-1962

А. ГРАЕВСКИЙ

НА СЕВЕР !

Плывет вверх по горной красавице Вишере маленький белый катерок. Коварная река готовит ему немало подводных — трудно плыть по мелководью, по перекатам. Но катер с честью выходит из этих испытаний. Ведь он специально приспособлен для того, чтобы плавать в таких местах, где другие суда плавать не могут.

Вместе с экспедицией плывет к верховьям Вишеры, на север, и мальчик Миша. О том, как много нового, интересного узнал он, и рассказывает в книге А. Граевского «На север!».

Автор этой книги Александр Моисеевич Граевский родился в 1920 году в Томске. По профессии он журналист. В пермских газетах «Молодая гвардия» и «Звезда» печатались его очерки, зарисовки, рассказы, фельетоны. В 1957 году в Пермском книжном издательстве вышла его первая книга рассказов для детей «Поиски знаменитостей».

Художник Ю. К. Лихачев

ВСТРЕЧА НА КРИВОЙ ПРОТОКЕ

На ночлег остановились выше Кривой протоки. Отец, вытащив лодку на берег, взял топор и стал карабкаться вверх по скалистому откосу: заметил в большой расщелине подходящую для костра сушину. Стук топора эхом покатился над Вишерой. И, перебивая его, послышался перестук мотора.

— Михе-ей! Миша! — позвал отец. — Забирай дрова!

Миша, цепляясь руками за чахлые кустики травы и острые каменные выступы, быстро поднялся

к расщелине. Отсюда, сверху, Вишера была видна далеко — от поворота до поворота. Посредине реки высунул из воды длинную серую спину галечный остров. Но самом его гребешке кое-где торчит ивняк. Основное русло неширокой, но мощной струей уходит к противоположному берегу, где прямо из воды стеной поднимается скала, по-здешнему, по-вишерски, — камень. У ближнего берега вода разливается. Мелкая и широкая протока неизвестно почему названа Кривой. На самом деле она прямая.

Снизу, из-за поворота, выплыл небольшой белый катерок. И сразу же вслед за ним вывернулся неуклюжий черный сухогрузный теплоход — «самоходка». Длинная, нескладная, она, однако, шла быстрее катера и догоняла его.

— Куда их понесло! — отец сердито махнул рукой, сплюнул. — Эх, горемыки... Ходовую-то, видно, не знают.

Миша не сразу понял, в чем дело. Но через минуту и он заметил, что катерок начал забирать влево, в Кривую протоку. Баржа резко повернула вправо, по основному руслу, по «ходовой».

Вот катер подошел к группе больших камней, разбросанных на выходе из протоки. Вода, накатываясь на них, зло вскипала. Казалось, белые струи вот-вот опутают суденышко, остановят его. Но оно, хоть и медленно, продолжало двигаться вперед между черными клыками отполированных водой валунов.

Когда опасное место осталось позади и катерок, заметно прибавив скорость, весело побегал мимо острова, Миша шумно вздохнул. Пока катер лавировал между камнями, невольно хотелось затаить

дыхание, словно этим можно было помочь отважному суденышку.

Миша взглянул на отца и понял, что тот тоже вздохнул с облегчением. Большой, грузный, с непокрытой головой, он смотрел весело, ему, должно быть, тоже нравилось наблюдать за тем, как уверенно катерок пробирается там, где никто до него не плавал.

— Ага! — вдруг гаркнул отец. — Сели все-таки!

Катер, видимо, сел на мель. Он слегка накренился и застыл неподвижно. Сзади его вспух большой бурун. На палубе катера засуетились люди. Отсюда, сверху, полосатые шесты, которыми они стали отталкиваться, казались совсем бесполезными.

Бурун за кормой катера исчез. Сразу же течение подхватило суденышко, стало разворачивать его боком и потащило вниз. Но за кормой вновь появился бурун, катер сначала остановился, потом пошел вперед, потом вновь стал.

Бурун за его кормой то исчезал, то вскипал снова. Вначале Мише казалось, что катер стоит на месте. Вскоре, однако, стало видно, что он все же приближается к куче бревен, лежавшей на отмели в голове острова.

Катер двигался неравномерно, как бы небольшими прыжками. Вскипит бурун — катер двинется вперед, пройдет метров пять и остановится. Пропадет бурун — катер чуть сносит назад. И тут же бурун вскипает вновь, и вновь катер немного продвигается вперед.

Отец засмеялся:

— Ишь, как заяц, прыгает! — и вдруг сменил тон. — Э-э! Да это водометный! Теперь понятно, почему они в протоку полезли.

Но Мише совсем ничего не было понятно. Что значит «водомерный»? И почему этот «водомерный» должен лезть в протоку, по которой они даже на лодке не прошли?

Он хотел спросить об этом, но тут отец повернулся к реке спиной, начал набирать охапку дров. Миша понял, в чем дело. Катер был уже недалеко. Он миновал самый мелкий участок протоки и теперь двигался вперед уверенно, без остановок. Стоять и смотреть на него во все глаза отец считал неприличным, это могли заметить люди, ехавшие на катере. А проявлять излишний интерес к тому, чем занимаются посторонние, да еще и незнакомые, нехорошо, не по-мужски.

Миша тоже начал собирать дрова, хотя ему очень хотелось поглядеть на катер. Отец не стал бы ругать его, но ведь не в этом дело... Нет, он не маленький!

Когда Миша и отец спустились к воде, к тому месту, где решили заночевать, катер уже проходил мимо. Еще немного — и он минует их стоянку, поплывет дальше...

Сидя на корточках, Миша стал разводить костер. Вот заплясали веселые языки огня по бересте, выжимая из нее густой, пахучий дым. Миша сунул в костер сухую рыжую еловую лапу. Она возмущенно затрещала и враз занялась пламенем. Прикрывая лицо от жары, Миша отвернулся. И тут увидел такое, отчего забыл и о костре, и о дыме.

Катер вдруг на полном ходу развернулся на месте, словно лошадь, вставшая на дыбы. Вода вокруг него кипела, а он, как ни в чем не бывало, не сбавляя скорости, пошел прямо на берег.

Когда до берега оставалось всего несколько мет-

ров, катер немного притормозил и плавно вылез на сухой песок. На суше оказалась добрая половина его корпуса. И только тогда мотор, громко взревев, разом замолк.

На берег прыгнул среднего роста коренастый мужчина, одетый в зеленый брезентовый костюм и сапоги. Он неторопливо подошел к костру и поздоровался. Отец ответил, а Миша промолчал.

Незнакомец присел на корточки, достал папиросу, прикурил от уголька. Делал он все это без суеты, обстоятельно. Покурив некоторое время молча, спросил отца:

— А что, хозяин, если мы тут ночевать расположимся? Возражать не будешь?

Отец слегка пожал плечами:

— Места много, всем хватит. Располагайтесь, если понравилось.

Тогда коренастый встал и повернулся к катеру. Легкий ветерок шевелил редкие седеющие волосы на его непокрытой голове.

— Ребята! — крикнул он. — Здесь ночуем!

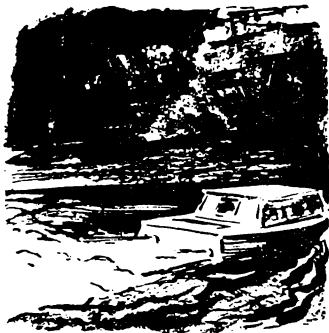
С катера один за другим прыгнуло еще трое. Поздоровавшись, они уселись к костру, словно хотели немножко отдохнуть, прежде чем взяться за устройство ночлега.

И тут в вечернюю тишину все отчетливей стало вплетаться негромкое татаканье мотора. Из-за острова показалась самоходка. На фоне темной скалы противоположного берега ее было плохо видно.

— Ишь, маскируется! — улыбнулся отец. — Стыдно стало, что в обход пришлось идти.

Словно подтверждая его слова, мотор самоходки несколько раз обиженно чихнул, а потом снова надсадно застучал, торопясь уйти от насмешек.

В ЭКСПЕДИЦИИ

Самое интересное место на катере, конечно, кабина. В ней по бокам два деревянных сундука. Крышки сундуков — и сиденья, и койки. Везде рассованы какие-то мешки и ящики, над каждой койкой висит ружье. Ближе к носу на кожаном сиденье сидит рулевой, который правит настоящей автомобильной

«баранкой». Мише очень хочется покрутить это отполированное черное колесо.

Впрочем, интересного, помимо «баранки», хоть отбавляй. Вылезешь из кабины — попадешь на маленькую палубу. На корме стучит мотор, закрытый железными створками кожуха. Тут же на треноге стоит замок, к которому крепят буксировочный трос. По бортам — маленькие поручни. Все на катере миниатюрное, словно игрушечное. И все же видно, что это — настоящее. Мише нравится такое сочетание — маленькое и настоящее.

Если перегнуться через борт, то видно, как из небольшого отверстия в корпусе непрерывно льется струйка воды. Вода эта теплая. Миша уже знает, что она прошла через мотор, охладила его, а теперь выливается наружу. Об этом ему рассказал черный, загорелый, немножко похожий на негра человек, назвавшийся дядей Гришей. Когда дядя Гриша улыбается, у него между толстыми губами стано-

вятся видны белые-белые зубы. А улыбается он часто — веселый.

Сейчас дядя Гриша моет теплой водой посуду. Возьмет тарелку, прополощет ее, потом внимательно осмотрит со всех сторон, еще раз прополощет, уже забортной водой, и только после этого кладет в зеленое эмалированное ведро.

Мише хочется, чтобы дядя Гриша делал все это хотя бы чуть-чуть побыстрей. Уж очень он интересно рассказывает о катере. И слушать умеет с неподдельным интересом. Все выпросит: как кедровка шишки клюет, какая Вишера бывает в половодье, как хариусов ловят.

Правда, хариусами больше интересуется дядя Саша. Коротко остриженный, очкастый, он расхаживает по катеру в одних трусах, все время что-то ищет, на кого-то сердится, невнятно бормоча себе под нос. Но стоит только заговорить о рыбной ловле, дядя Саша заметно веселеет. То и дело приговаривая: «Здорово! Вот это здорово», — он не забывает обстоятельно выпросить, на какую насадку, где, когда и в каком количестве клевали эти самые хариусы. Но особенно его интересуют таймени.

Миша сначала не понял, о чем идет речь, когда дядя Саша спросил о тайменях. Тут уж отец пояснил:

— Это правильное название — таймень, литературное. У нас его ленок зовут, лень.

Ленков Миша знал. Ловил их, правда, редко и маленьких, зато не раз видел у знакомых рыбаков и соседей. Привозили они порой здоровенных рыб, и всегда украдкой, прячась от инспектора рыбнадзора. Ловить эту рыбу запрещено, только не все соблюдают запрет. По совести говоря, Миша так и не

может понять — почему тайменей нельзя ловить. Ведь их в Вишере не так уж мало. А если он вместо хариуса попадет, так что с ним делать? Обратно выпускать? Что-то не слышно, чтобы кто-нибудь так делал...

Миша так и сказал дяде Саше. Тот сразу поскучился, покачал головой, долго о чем-то думал молча. А потом пообещал «при случае» рассказать, почему тайменей нельзя ловить.

Мише это не понравилось. С дядей Гришей лучше разговаривать. Тот не станет откладывать дело в долгий ящик. На каждое Мишино «почему» сразу же дает ответ.

Но сейчас дядя Гриша занят — все еще моет посуду. И Миша лезет на крышу кабины, где рядом уселись отец и Иван Александрович, тот самый пожилой мужчина, который вчера первым подошел к костру.

Интересный вчера был после ужина разговор! Когда Иван Александрович узнал, что отец много раз плавал по Вишере до самых верховьев, то обрадовался. И тут же предложил:

— Нам проводник нужен, Илья Васильевич. В реке тоже свои дорожки есть, а мы их не знаем. Находим, конечно, путь, но порой приходится на это много времени тратить. А у нас время дорого. Лодку вашу на палубу поднимем, будете сидеть да показывать, куда плыть.

Когда отец ответил, что подумает, Миша чуть не закричал ему: «Поедем, папа! Чего ты еще!» — но удержался. Он вообще в тот вечер больше помалкивал. Да и взрослые не очень-то обращали на него внимание — были заняты серьезными разгово-

рами о предстоящем плавании. Миша сначала слушал, а потом и не заметил, как заснул.

Утром, когда он проснулся, все уже были готовы трогаться в путь. Лодку привязали на палубе, свой багаж отец уложил в кабине. Только костер еще дымил, догорая под большим закопченным чайником.

Увидев, что лодка поднята на катер, Миша обрадовался — значит, отец согласился. Вот здорово! Не надо будет слушать надоедливый треск подвешенного мотора, «подвески», на котором они поднимались кверху. Моторчик старый, часто капризничает. Бывает, что приходится брать в руки шесты и, упираясь ими в дно, гнать лодку вперед. Работа эта тяжелая. Чуть неверно поставишь шест — лодка начнет заворачивать в сторону, а то и совсем опрокинется. При одном воспоминании о таком плавании у Миши начинают ныть плечи и спина.

На катере же не плавание, а одно удовольствие. Хоть и не очень быстро бежит он, все же неуклонно уходят назад берега.

Особенно приятно Мише даже не это. Ему очень нравится, что он попал в настоящую экспедицию. Вчера у костра Иван Александрович объяснил отцу, зачем и куда эта экспедиция плывет. Сегодня дядя Гриша дополнил этот рассказ. Теперь Миша знает, что это за катер и зачем ему понадобилось плавать по таким неудобным местам, как Кривая протока.

Начальник экспедиции — Иван Александрович. Он ученый, преподает географию в Москве, в университете. Когда дядя Гриша рассказал об этом, Миша долго украдкой наблюдал за Иваном Александровичем, сравнивая его со своим школьным учителем географии. Тот, правда, постарше, но сестра у него с Иваном Александровичем что-то общее.

Скорей всего взгляд — такой же пыльный, внимательный, умный.

Иван Александрович нетороплив в движениях, все делает без суеты, спокойно. Разговаривает негромко, но его хриловатый голос очень хорошо слышен даже сквозь шум мотора. Миша заметил, что Иван Александрович часто записывает что-то в толстую черную тетрадь. Посидит-посидит на крыше катера, поглядывая в большой бинокль по сторонам, а потом опять спустится в кабину, достанет тетрадь и пишет в ней.

Неспроста он пишет. Ученый, открывает что-нибудь... Вот только что именно — Миша не мог придумать.

Дядя Саша — тоже ученый. По крайней мере, так говорил отец. В тетрадку он ничего не пишет, во всяком случае Миша этого не замечал. Все время копается в своих больших мешках и вечно что-нибудь ищет. То микроскоп у него пропал, то бутылка с формалином исчезла, то перочинный нож испарился. Все в конце концов находится, но дядя Саша вскоре начинает искать эти предметы снова.

Отец сказал, что дядя Саша изучает рыб, а Миша подумал, что он, наверно, и ловить-то не умеет этих самых рыб. Больно уж суетливый какой-то...

Есть еще на катере моторист Николай. Он сидит в кабине, за рулем, и слышно, как почти все время что-то напевает.

Про себя дядя Гриша сказал так:

— Я, брат, тут по механической части. Катер наш не просто так плавает, а испытание проходит. Нужно выяснить, как он ведет себя в условиях мелководной горной реки. Как через перекаты проберет-

ся, как с течением бороться сможет. Все подметим, все запишем.

И показал Минне толстую конторскую книгу, на обложке которой было выведено: «Судовой журнал».

У КАМНЯ ГОВОРЛИВОГО

Ночь выдалась темная и, как часто бывает на Вишере, холодная. Стоит сделать шаг от костра в сторону, и словно в холодные чернила окунешься — ночь обступит со всех сторон. Сразу станут слышны звуки и шорохи, которых у костра не заметишь: торопливо и сбивчиво бормочет вода, перешептываются листья кривой березки, чудом прилепившейся к каменному обрыву, доносится откуда-то собачий лай.

Звуки в ночи неясны, с трудом пробиваются они через густую завесу темноты. И вдруг громко, отчетливо, уверенно раздался на реке мощный всплеск. Он прозвучал так неожиданно, что после него на несколько секунд замерло все, словно испугалось. Не слышно стало ночных шорохов, только звезды молчаливо и бесстрастно мерцают в темном, чуть подсиненном небе.

Миша невольно вздрогнул, когда раздался этот громкий всплеск. Тут же, сообразив, в чем дело, протянул с улыбкой:

— Ле-е-нь... Играет!

— Угу, — дядя Саша энергично кивнул, и трубка, которую он держал в зубах, светлячком мотнулась книзу.

Уже добрых полчаса назад они отошли от костра метров на двести, уселись на большом и шершавом камне, плотно привалившись друг к другу. Они ждут, когда будет совсем-совсем темно. Тогда наступит самое время для рыбалки. Только ночью можно поймать хорошего ленка, или, как там его зовут, тайменя.

Собственно, рыбачить уже давно можно. Но дядя Саша сказал, что нужно посидеть, привыкнуть к темноте. Потом он решил выкурить трубку. А время идет.

Мише очень хочется посмотреть, как дядя Саша будет ловить тайменя на свою снасть. Она у него особенная, такой Миша еще не видел. Снасть эта называется спиннинг. Увидев ее, Миша на правах опытного вишерского рыболова сначала хотел пошутить над уверениями дяди Саши, будто ничего лучшего для ловли тайменя и не придумать. Однако он вовремя заметил, как отец рассматривает спиннинг с нескрываемым интересом и уважением. Больше того, скоро выяснилось, что папа не прочь иметь такую же снасть, много о ней слышал, только в работе не видел, не доводилось. Тут уж Миша решил помолчать. А когда дядя Саша по совету отца решил порыбачить ночью, заменив предварительно латунную блесну белой, никелированной, Миша не выдержал, попросился в компанию.

— Пора, пожалуй! — дядя Саша встал, энергично выколотил трубку о камень и сунул ее в карман. — Где этот бон причален?

Миша молча пошел по берегу. Следом грузно давил сапогами гальки дядя Саша. Метров через десять они увидели прочно вкопанные в берег толстые деревянные столбы. К ним был привязан стальными тросами так называемый отбойный бон — длинная лента узеньких, в три бревна, плотов, счлєнных между собой. Одним концом эта лента приткнулась к берегу, а другим наискось уходила далеко в реку, до самой середины. Бревна, стоями плывущие по реке, ударялись в бон и поворачивали на основную струю, минуя коварные водовороты под скалой, где их могло закружить и в конце концов неминуемо выбросило бы на отмель.

Перейдя на бон, осторожно зашагали по нему. Кое-где вода заливала чисто отмытые бревна, в этих местах они были предательски скользкими.

Узкую галечную полосу берега вскоре не стало видно. На фоне темного неба выделялась только еще более темная громада скалы, растянувшаяся на несколько сот метров и поросшая поверху колючими зубцами леса. В одном месте у ее подножья, в расщелине, неверным светом метался отблеск костра. Очень маленьким, жалким казался отсюда, издали, костер, такой уютный и надежный вблизи!

— А, черт! — вполголоса выругаясь дядя Саша, зацепившись ногой за трос.

— А орт! — приглушенным баском откликнулась скала.

Дядя Саша так и замер от неожиданности. Постояв несколько секунд, он сердито сплюнул.

И тотчас от скалы явственно донесся звук смачного плевка.

— Что за... — начал было дядя Саша, а от скалы уже несло:

— Что за...

Повернувшись к Мише, дядя Саша поманил его пальцем и едва слышным шепотом спросил:

— Это, наверно, камень Говорливый?

Миша утвердительно кивнул. Это действительно был знаменитый камень Говорливый, одна из достопримечательностей Вишеры.

Темная, мрачная скала иссечена трещинами, делящими ее на довольно правильные прямоугольники. Издали кажется поэтому, что скала сложена из громадных обтесанных глыб. Каждый, кто проезжает по реке мимо этой скалы, не может не заметить ее чудесного свойства — четко воспроизводить звуки. Такое эхо, как под камнем Говорливым, редко можно встретить. Дядя Саша очень скоро убедился в этом. Он негромко посвистывал, причмокивал, покашливал — и все эти звуки немедленно возвращались обратно, усиленные огромным каменным резонатором.

И вдруг снова, на этот раз совсем близко, раздался мощный всплеск. Звук его, немедленно подхваченный эхом, казался особенно внушительным, даже грозным. На момент Миша представил, что такая рыба клюнула на его удочку. Как ее вытащить? Она сама, наверно, сможет рыбака в воду утащить... Стало немножко страшновато.

Дядя Саша в это время лихорадочно возился со спиннингом. Наконец он сделал широкий взмах удилищем — и грузило с блесной полетели куда-то

в темноту. Увлекаемая ими леса стремительно сбегала с крутящейся катушки.

Где и когда блесна упала в воду, Миша не заметил. Но дядя Саша, видимо, хорошо улавливал этот момент. Он прижал катушку большим пальцем, сунул удилище под мышку и начал наматывать лесу на катушку.

Миша затаил дыхание. Ему казалось, что вот-вот должно произойти что-нибудь необычное, страшное и увлекательное. Ведь где-то тут, в этой темной воде, притаилась громадная рыба. Ка-ак клюнет...

Но ничего особенного не произошло. С легким повязкиванием выскочила из воды блесна, дядя Саша утер лоб рукавом и вздохнул.

Он сделал еще несколько забросов, и каждый раз блесна возвращалась пустая. Перешли на другое место, потом еще на одно, еще... Все дальше и дальше уходили они по плотикам. Дядя Саша забрасывал блесну и к берегу, и к середине реки, и далеко, и близко — поклевок не было.

Вначале Миша напряженно следил за каждым забросом, все ждал, что вот-вот схватит блесну большой таймень. Время шло, а таймень больше не подавал признаков жизни. Он не выпрыгивал из воды, не нарушал шумными всплесками ночной тишины.

Присев отдохнуть на поперечное бревно, скреплявшее плотик, Миша подумал, что зря не взял с собой удочку. Отсюда, с плотов, можно было попытаться ловить хариусов. Хуже, конечно, чем с лодки, но на уху можно было бы натаскать...

— У-у-у-у... — дядя Саша начал издавать какой-то странный звук, нечто среднее между стоном и

кряхтением. Миша, ничего не понимая, повернулся к нему. Дядя Саша стоял с засунутым под мышку удилищем в напряженной позе, согнув ноги в коленях и втянув голову в плечи. Удилище сильно согнулось. Вот какая-то сила рывком потянула его к воде, вот оно немного выпрямилось, а вот вдруг затряслось, запрыгало в руках у дяди Саши.

«Попалась!» — мелькнула у Миши мысль. И в подтверждение ее метрах в десяти от плота вновь раздался знакомый всплеск, а потом послышалось громкое бултыхание.

Миша вскочил на ноги и одним прыжком оказался рядом с дядей Сашей. Тот, сжав зубы, вполголоса бормотал:

— Не идет... Не идет, проклятый... Не идет...

Не зная, что делать, Миша растерянно топтался рядом. Ему хотелось чем-нибудь помочь, но чем? Разве за лесу ухватиться? Леса натянулась, как струна. Казалось, что она тоненько звенит.

Подрагивая, леса резала воду, слегка перемещаясь то в одну, то в другую сторону. Дядя Саша двумя руками стал зачем-то поднимать удилище кверху, стараясь поставить его вертикально. Леса немедленно подалась вниз по течению, замерла на месте и вдруг резко метнулась в другую сторону. Метр, другой, третий... Вот она ушла под поперечное бревно, прикрепленное к плоту, резко дернулась и как-то враз безжизненно повисла. Ни Миша, ни дядя Саша в первый момент не поняли, что произошло. Дядя Саша растерянно подергивал кончиком удилища кверху, а Миша все продолжал всматриваться в воду, будто надеялся там увидеть рыбу, которую им обоим так хотелось поймать.

— Ушел! — очнулся дядя Саша.

— Ол! — издевательски откликнулось эхо.

Но рыболовы не обращали теперь на него никакого внимания.

— Ушел поганец! — шумел на всю реку дядя Саша.

— Здо-о-ровый был! — горестно вторил ему Миша.

— Кто только тут этих бревен понаделал?! Кому они понадобились?! — дядя Саша сердито ткнул удилищем в сторону злополучного бревна, за которое зацепилась леса.

— Это реи... — робко пояснил Миша. Очень уж сердитым казался ему в этот момент дядя Саша. Даже разговаривать с ним было боязно.

— Что? Реи? А зачем они?

— Чтобы бон к берегу не прибило. Он ведь только одним концом привязан. А с этого боку, который к берегу ближе, реи понаделаны. Видите? Течение в них ударяет и отжимает бон от берега.

— Ишь! — дядя Саша посмотрел на своего юного спутника с уважением. — Ты откуда эту механику знаешь?

— Папа рассказывал. Он сплавом много лет занимался. Пока не заболел.

Дядя Саша достал трубку и кисет, закурил. Попыхивая ароматным дымком, он произнес задумчиво:

— Ну, что ж, раз эти реи для дела, значит, к ним претензии предъявлять не стоит. Сплавщики, наверно, не рассчитывали, что с этого бона рыбу ловить будут. Правда?

Миша улыбнулся.

Над дальним берегом небо заметно посветлело. В его окраске появились зеленые тона с едва заметной розовой подцветкой. Оттуда, с востока, шла заря нового дня.

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

— До Ван еще как-нибудь доплывете, а до Усть-Улса вам нипочем не пройти! Там Меленки, слышали? Перекат такой. Смучался я. Два винта побил — и без толку. Пришлось директору дальше на лодке ехать. А я пнялю сейчас кой-как до дому... Не знаю, как и доберусь. Корпус пробит, течет...

Худой, бронзовый от загара мужчина говорил отрывисто, зло. На тонкой шее ходил вверх-вниз острый кадык. Кончив говорить, мужчина сердито и густо плюнул в костер. Угли от обиды зашипели.

Мише не понравился этот человек. И стало приятно, когда дядя Гриша со смешком бросил:

— Ничего, перемелем и Меленки. Как-нибудь. Ты лучше вот что скажи: небось, с утра не ел? Так?

Худой молча кивнул.

— Тогда садись поближе. Это дело поправимое.

Когда худой начал настукивать ложкой в котелке с ухой, Миша отошел от костра, постоял, потом направился к воде.

Здесь рядом приткнулись два суденышка. Катер, на котором ехала экспедиция, в темноте выделялся белым пятном, и на нем время от времени вспыхивали слабые розоватые отсветы костра. Полуглиссер, подошедший сверху минут тридцать назад, распластался рядом на песке низким серым корпусом.

Миша у себя в Красновишерске часто видел такие быстроходные полуглиссеры. Гордо задрав носы, они носились взад и вперед, оставляя за собой, словно усы, высокие валы, которые тянулись до самых берегов.

По сравнению с полуглиссером любой другой катер выглядел неуклюжим тихоходом. А уж про этот — водометный — и говорить не приходится. Полуглиссер его мигом обгонит.

Сейчас же быстроходный красавец лежит на песке, искалеченный и побежденный вишерскими перекатами. А белый тихоход собирается проплыть по этим перекатам дальше вверх, там, где вообще никакие катера не плавают.

Сегодня дядя Гриша долго водил Мишу по всему катеру и спрашивал:

— Это для чего? Знаешь? А это?

Кое-что Миша знал. Но большей частью ему приходилось отрицательно качать головой. И тогда дядя Гриша рассказывал. Получалось это у него очень здорово. Откуда ни возьмись, появится гаечный ключ. Смотришь, уже снята какая-нибудь крышка и все становится таким понятным, что потом Миша даже удивлялся: как он не знал этого раньше?

Начал дядя Гриша с того, что провел Мишу на корму и спросил, заглядывая в воду:

— Смотри сюда. Как по-твоему, чего тут не хватает?

Миша осторожно подошел к самому борту, стал смотреть. В корме, как раз там, где она уходит в воду, видны два отверстия. Из них непрерывно мощными струями бьет вода. Сбоку отверстий на шарнирах приделаны железные козырьки вроде литровых консервных банок, только с большой прорезью по всей длине и без дна. К этим козырькам присоединены тонкие металлические тросы, которые идут на корму, а с кормы — в каюту, где сидит моторист.

Миша долго смотрел, как кипит вода за кормой. И вдруг тросы, прикрепленные к козырькам, поползли по маленьким колесикам-блокам, потянули за собой и козырьки.

Один из них отошел от струи в сторону. Второй же, наоборот, казалось, хотел совсем прикрыть отверстие в корме. Вода яростно била в него, бурлила, пенилась. В это время катер заметно стал поворачивать в сторону того отверстия, которое было прикрыто козырьком.

Снова поползли тросы, козырьки встали на свои места, и катер вновь пошел прямо.

«Рулит, — догадался Миша. — Моторист рулит, управляет катером...»

— Так чего же не хватает? — прервал его размышления дядя Гриша.

Миша молчал. Что видел, о том мог бы рассказать, а чего тут не хватает — он не знал.

Дядя Гриша присел на корточки и, показывая пальцем то на один козырек, то на другой, отрывисто бросал вопросы:

— Эти штуки видел? Зачем они? Догадался? Нет?

— Поворачивать...

— Правильно! Эти приспособления для управления судном во время движения называются дефлекторами. И еще одно приспособление для поворотов есть. В бортах такие же отверстия, только вперед направлены. Перекроешь одно заднее отверстие, вместо этогопустишь воду в боковое, вот и начнет катер на месте вертеться, как волчок. — Помолчав, он опять начал допекать Мишу:

— А что все же здесь отсутствует? На других судах есть, а на нашем нет?

Миша только плечами пожал.

— Руля нет!

Миша чуть не ойкнул. И правда, руля нет! Как это он не заметил? А дядя Гриша продолжал:

— Еще скажу. Отсюда не видно. Но у этого катера и винта нет. Без руля ходим, и без ветрил, и без винта. Винт знаешь?

Миша кивнул. Винты у катеров он видел. На зиму много катеров в Красновишерске вытягивали на берег и ставили на высокие клетки из бревен. Всю зиму стояли они, укрытые брезентом, снег наметал вокруг них большие сугробы. Весной вокруг катеров начинали хлопотать люди. Они чистили и скоблили суда, затем красили их. Днища катеров блестяли красной краской, яркими пятнами выделяясь среди грязи, словно первые весенние цветы. И густой запах краски был одним из первых весенних запахов на реке.

Сзади, снизу, у каждого катера — большого и маленького — торчал блестящий винт. Миша еще удивлялся: винты у всех катеров маленькие, а толкают, тащат вперед судно, да еще с грузом на буксире.

Здесь же, оказывается, вообще никакого винта нет. Что же тогда толкает катер вперед? Наверно, эти мощные водяные струи.

Как бы угадывая Мишины мысли, дядя Гриша сказал:

— Винта нет, а вперед идем. Почему? Другой имеем движитель. Понял? Движитель другой.

Миша кивнул, а сам подумал: «Двигатель, наверно. Чудно как-то он говорит — движитель».

Дядя Гриша и на этот раз словно видел, что делается в Мишиной голове. Подняв черный загорелый палец, он назидательно произнес:

— Я, между прочим, инженер. И говорю правильно: движитель. Не двигатель. Двигатель — это мотор. А то, что двигает судно вперед, используя энергию мотора, называется движитель. У большинства катеров — винт. «Татреспублику» видел?

Миша опять кивнул. Этот пароход, совершавший рейсы между Красновишерском и Тюлькино, он видел не раз.

— Там какой движитель?

— Колеса.

— Правильно!

Вдали, у самого берега, шла лодка. На носу и на корме стояли два человека. Одновременно, как два маятника, качались они взад и вперед. Раз! — толчок шестом. Два! — шест вытянут из воды и опущен опять впереди. Три! — упираясь шестами,

оба гонят лодку вперед. Раз, два, три... Раз, два, три...

— Ну, а тут какая механика? — дядя Гриша кивнул в сторону лодки. Миша весело ответил:

— Люди — двигатель, шесты — движитель.

— Верно! — воскликнул дядя Гриша. — Верно! А сейчас давай поможем Ивану Александровичу.

Иван Александрович примостился тут же, на корме, и чистил картошку. Сегодня было его дежурство. Он брал картофелину из мешка, обмывал ее, потом не торопясь принимался чистить, стараясь, чтобы кожа тянулась сплошной лентой.

Когда дядя Гриша и Миша начали ему помогать, дело пошло значительно быстрее. Иван Александрович повеселел. Не прошло и пятнадцати минут, как вся картошка была вычищена.

— Ну, чем оплатить вам, добрые молодцы! — шутливо кланяясь, прогудел Иван Александрович. — Злата и серебра у меня нет...

— Погодите, Иван Александрович, — перебил его дядя Гриша. — Говорят: молчание — золото, а слово — серебро. Картошку мы чистили молча. Значит, золото уже получили. Теперь с вас рассказ какой-нибудь. И все. Серебром зачтется!

Иван Александрович задумчиво провел рукой по пегой от седины бороде.

— Что-то не идет ничего на ум... Нет, рассказ до вечера отложим. У костра лучше получается. А сейчас о камнях поговорим. Вон, кстати, выплывает красавец.

Слева показалась каменная громада, серым бастioniоном высившаяся над водой. Чувствовалось, что

под скалой — глубокий омут. В наступивших сумерках вода в нем была черной и жутковатой. На сотни метров тянулась каменная стена. Вековые деревья на ее вершине казались совсем маленькими.

— Камень Писаный... — негромко проговорил Иван Александрович. И тут же спросил:

— А знаете, почему он так называется?

Беседа с дядей Гришей о двигателях и движителях значительно прибавила Мише уверенности в себе. Сейчас он и думать долго не стал, громко заявив:

— Тут деревня есть Писаная. Поэтому и камень так зовут.

Иван Александрович покачал головой.

— Не совсем так... Видишь вон тот мысок?

Почти посередине скала выдавалась вперед маленьким низким мысом. Попасть на него можно было только по воде, с трех сторон вздымались отвесные каменные стены.

— Это древнее жертвенное место. Еще тысяча пять лет назад здесь приносили жертвы своим богам местные жители. Ученые предполагают, что скала эта была пограничной, около нее проходила граница между племенами. И чтобы обозначить эту границу, древние жители Вишеры сделали на камнях рисунки, изображающие реку, зверей. Вот поэтому-то русские и называли камень Писаным. Деревня же возникла позже и названа, вероятно, по имени камня.

Миша во все глаза разглядывал проплывавшую мимо каменную громаду. Сколько раз слышал он это название — Писаный, мимо проезжал, но не

догадывался, почему так называли камень. Пять тысяч лет назад! Шутка сказать...

Иван Александрович между тем рассказывал, как метки и точны часто бывают народные названия этих скал-каменей. Прислушиваясь к его рассказу, Миша каждый раз невольно соглашался с ним.

Конечно, Говорливый камень назван так за его удивительное эхо. Дыроватый камень — тоже понятно, в нем зияет видная издалека неглубокая пещера. Сыпучий камень — так названа гора у села Сыпучи. И тоже понятно почему: эта гора сложена из темного плитняка, который легко крошится.

О камне Столбы и говорить нечего. Тут все ясно. На правом берегу выстроился ряд каменных столбов. Есть еще камень Боец, прозванный так за свой буйный нрав. Раньше, когда с верховьев Вишеры в половодье шли баржи, Боец считался для них самым страшным местом. Увлекаемые бешеным течением, не раз разбивались о его коварные каменные выступы груженные суда.

Понятно, почему один из камней называли Гвоздок. Высоко над лесом поднял он тонкую вершинку.

Правда, есть и такие названия, происхождение которых не так легко установить: Ветлан, Полюд. О них Иван Александрович сказал, что это — особая статья. Чаще всего эти названия даны местными племенами, некогда жившими здесь.

А Миша знал, почему большая гора, возвышающаяся в нескольких километрах от Красновишерска, называется Полюдом. Есть легенда о том, что на этой горе жил когда-то богатырь Полюд, кото-

рый охранял здешние края от врагов. Он давно уже спит в пещере внутри горы. Но если враги когда-нибудь появятся, богатырь проснется, выйдет наружу и разгромит их.

На вершине Полюда Миша бывал много раз.туда никогда ходить не надоест. Вид с этой вершины открывается такой, что просто дух захватывает. На востоке, в синеватой дали, виден Денежкин камень, очертания которого напоминают китайский храм. Это уже коренной Урал. До него по прямой почти сто пятьдесят километров, а с Полюда все равно видно!

На западе желтыми полосами теньются обрывистый берег Колвы, Чердынь видно. А окрест — бескрайнее лесное море, лес, лес, лес без конца и без края.

Отсюда, сверху, хорошо заметно, как меняются вишерские берега выше Красновишерска. Ниже города река течет в низких берегах, прихотливо закладывая одну петлю за другой. Сразу же выше города к ней начинают подступать каменные громады. Белеет отвесной стеной первый из камней, Ветлан — излюбленное место отдыха красновишерцев. Вишера омывает его подножье только в половодье, зато многие другие прибрежные скалы обрываются прямо в воду.

Может быть, потому, что саму Вишеру выше города с Полюда почти не видно, всегда хочется плыть именно туда, к северу, где на горизонте выделяется темной двойной вершиной камень Тулым. Кажется, что там обязательно должно поджидать что-то необыкновенное, интересное. И ожидание встречи с ним заставляет сильнее биться сердце.

МЕЛЕНКИ

Высокие, лесистые берега незаметно отступили, и река растеклась по широкой долине несколькими мелкими бурливыми рукавами. Выбирая где поглубже, ка-тер все больше отклонялся вправо. Протока, по которой он шел, казалась вполне надежной. Вода неслась в ней ровным прозрачным слоем. На дне была видна пестрая мозаика отшлифованных камней.

На крыше каюты сидели дядя Гриша и дядя Саша. Миша прислушивался к их разговору и легонько улыбался.

— Такая уж у меня кровь, видимо, привлекательная, — вздыхал дядя Саша. — Или кожа тонкая. Скорей всего дело тут в коже. Прокусить легче.

— Где тонко, там и рвется, — вставил дядя Гриша.

— Да-да. Вот, смотри, прилетел «мессершмитт», — дядя Саша кивнул в сторону большого овода, метавшегося вокруг них. — Ты без рубахи сидишь, а я одетый. Однако он обязательно на меня сядет. Об заклад могу биться.

Дядя Гриша хмыкнул, но спорить не стал. С минуту оба сидели молча.

— Ага! Что я говорил! — торжествующе воскликнул дядя Саша, ожесточенно хлопая себя по плечу.

на которое уселся-таки «мессершмитт». — Я для них — лакомый кусок!

В это время Иван Александрович крикнул что-то мотористу. Катер, разворачиваясь поперек течения, пошел к берегу. Когда он вылез носом на песчаную отмель, мотор замолк. Сразу же стало тихо.

Катер вплотную подошел к знаменитому перекату, который здесь называли Меленки. Что значило это название, никто не знал. Оставалось догадываться, что оно связано со словом «молоть». Перекат, действительно, основательно «молол» воду.

Отец признался, что вначале немного потерял ориентировку, забыл, можно ли плыть по той протоке, по которой они направлялись. А сейчас он ясно видел свою ошибку: катер пошел по неверному пути. Всем хороша эта протока, но на выходе из нее была в свое время насыпана каменная гряда, чтобы направить основную массу воды в другую протоку, сделать ее глубже. Давно это было сделано, лет шестьдесят назад, но остатки гряды не давали возможности плавать по этой протоке. Отец советовал вернуться назад и подниматься затем вдоль противоположного берега.

Голоса разделились. Иван Александрович и дядя Саша поддерживали отца. Дядя Гриша и моторист Николай настаивали на том, чтобы плыть вперед, попытаться форсировать горловину протоки.

В конце концов дядя Гриша сумел переспросить всех. Тыча пальцем в грудь то одному, то другому, он грозно спрашивал:

— Где же катер испытывать, а? Может быть, в

идеальных условиях? Может быть, нам в Пермь вернуться и там поплавать?

Возраженный дядя Гриша не слушал. Что бы ему ни говорили, он только с досадой отмахивался.

Когда судно вновь тронулось вперед, дядя Гриша подмигнул Мише и весело спросил:

— Ну, пройдем или нет?

Миша только плечами пожал: кто его знает...

Однако дядя Гриша продолжал настаивать:

— Тут, говорят, глубины тридцать сантиметров. Полуглиссер прошел бы?

Миша ответил, что вряд ли. И тут же ему был задан вопрос: а почему?

Вспомнив жалобы худого моториста у костра, Миша ответил:

— Винт ломает.

Этот ответ, видимо, понравился дяде Грише. Он снова подмигнул и озорно вскинул голову:

— А мы не ломаем! Почему?

Миша в первый момент удивился этому нелепому вопросу. Потом понял, что дядя Гриша шутит. И действительно, как можно сломать винт, если его совсем нет? Чепуха!

— И руль не повредим! — продолжал дядя Гриша. — У нас днище плоское, ничего на нем не выступает. В чайном блюде проплывем.

Катер входил на перекат. То, что водный поток устремляется здесь по наклонной плоскости, было видно на глаз. Вода уже не скатывалась ровным слоем, а рябила. Эта рябь — свидетельница мелко-воды — тянулась далеко.

Отец стал на носу и, полосатым шестиком измеряя глубину, каждый раз сообщал о ней мотористу в открытое окно каюты.

Вот катер наткнулся на преграду, на минуту остановился и задрожал всем корпусом. Мотор начал работать тише, и катер сразу понесло назад. Но вновь взвыл мотор, и вновь катер пошел вперед, на этот раз чуть левей.

Миша услышал какое-то громкое шелканье. Казалось, что внутри катера кто-то резко бьет молотком по железной трубе. Дядя Гриша, слегка склонив голову, тоже внимательно прислушивался к этим звукам. Поймав недоуменный Мишин взгляд, он чуть-чуть, одними губами, улыбнулся. Глаза и лицо оставались серьезными.

— Опасная штука, — вздохнув, произнес он после особенно сильного шелчка. — Лопасти у насоса может поломать...

Посередине палубы, по всей ее длине, тянулась большая, в Мишин обхват, труба. Над палубой горбом возвышалась лишь часть ее. В одном месте в трубу был врезан колодец, прикрытый массивной крышкой, укрепленной на болтах. Из этого колодца и доносились удары.

Дядя Гриша присел около колодца на корточки и, поглаживая головки болтов, словно уговаривая кого-то потерпеть, обратился к Мише:

— Мы с тобой тогда что выяснили? Что у нас вместо винта другой движитель. А какой? Водометный. В днище катера есть щель, отверстие. Через него при помощи насоса в трубу засасывается вода. Насос гонит воду по трубе и выбрасывает наружу через отверстия в корме. Вода бьет в одну сторону, судно движется в другую. Потому и зовут его водометным, потому что оно воду выбрасывает, мечет.

Энергично хлопнув ладонью по крышке колодца,

дядя Гриша выпрямился. Внимательно посмотрев вперед, он снова повернулся к Мише.

— Но тут, между прочим, есть один фокус. Водометный движитель будет толкать судно вперед лишь при одном условии. Надо, чтобы вода из него вылетала с большей скоростью, чем засасывается. Понял? Иначе катер на месте будет стоять. Такой уж тут закон физики действует. Какое ускорение придадим воде, такое и сами получим. Баш на баш. Мы вам, вы нам.

— Здесь, — он снова хлопнул рукой по колодцу в трубе, — помещается пропеллерный насос. Вращается этот пропеллер, засасывает воду. Проходит она насос и дальше по трубе течет. В конце, на выходе, труба суживается. В этом большой смысл. Воде надо быстрее выскочить из трубы, ведь сзади на нее все новые порции давят. Приходится волея-неволей поторапливаться. Здесь и возникает ускорение.

— А что это так щелкает? — задал Миша вопрос, который давно уже занимал его.

— Камни, — односложно бросил дядя Гриша. Потом пояснил: — Насос на мелких местах вместе с водой всасывает в трубу довольно крупные гальки. Они и бьют по лопастям пропеллера. Я боюсь, как бы не сломило лопасти.

Катер двигался вперед с трудом. Бешеное течение поровило отбросить его обратно, плотно посадить на каменистые отмели. В одном месте он так и не мог пробиться. Стоило включить мотор, как судно «подлипало» ко дну — слишком тонок был слой воды. Если же мотор останавливался, бурный поток подхватывал катер и начинал вертеть его, как щепку.

Взрослые взялись за шесты. Мотор работал на малых оборотах, а четверо мужчин, краснея от натуги, помогали ему, упираясь шестами в дно.

И легкое суденышко пошло вперед. Сначала почти незаметно, потом все уверенней и уверенней.

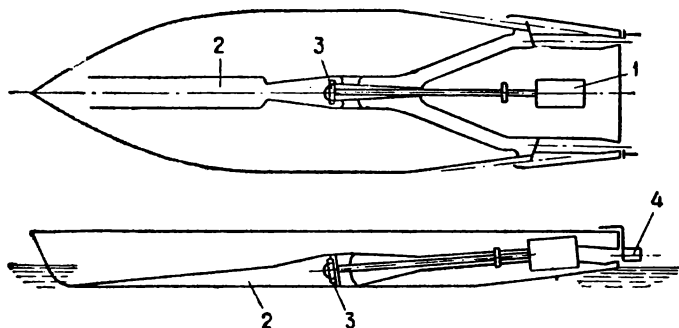

Схема устройства водометного катера:
1 — двигатель; 2 — приемный канал; 3 — пропеллерный насос; 4 — дефлектор.

Когда вошли в довольно глубокую протоку, дядя Гриша не выдержал, чтобы не похвастаться.

— Перемололи Меленки! — шумел он на всю реку. — Ай да катер!

Когда ему напомнили, что судну пришлось помогать шестами, он тут же возразил:

— Подумаешь, четыре мужичишки толкали этот дредноут! Он и не заметил этого.

«Мужичишки» пообещали вздуть его на ближайшем же привале за такой презрительный отзыв о них.

За поворотом открылся большой плес. В конце его на обоих берегах реки стали видны группы до-

мов. Среди деревянных строений и зелени резко выделялось большое красное кирпичное здание.

— Усть-Улс! — объявил отец.

На катере поднялась суета. Срочно извлекались брюки, которых днем обычно никто не носил, обходясь трусами. Дядя Саша начал бриться. Иван Александрович заклеивал объемистые пакеты и писал на них адреса. Дядя Гриша извлек два больших мешка и приготовился к походу в магазины.

Поддаваясь общему настроению, Миша натянул сапоги. Надо помочь дяде Грише закупить продукты. Остановка в Усть-Улсе будет короткой. Пополнят запасы — и дальше в путь.

ОТКУДА ВИШЕРА ТЕЧЕТ?

Все чаще на берегах возникают высокие увалы. Порой горные цепи, поросшие чернолесьем, вздымаются одна за другой, словно гигантские волны колоссального, навеки застывшего моря. Если забраться на высокий вишерский берег и взглянуть на восток, в сторону Уральского хребта, то вид открывается

поистине неповторимый. Горные кряжи громоздятся один за другим, насколько хватает глаз. Эти темно-зеленые, подернутые легкой дымкой таежные дали словно манят, зовут к себе. Так бы и взобрался

на какой-нибудь хребет, чтобы далеко, беспредельно далеко было видно окрест...

Но катер бежит и бежит вперед, отважно заплывая на перекаты, весело стуча мотором на задумчивых таежных плесах.

В экспедиции утвердился определенный порядок. На привалах никто не сидел без дела. Один рубил сучья и разжигал костер, другой устанавливал палатку, третий заботился о еде. И делалось все весело, с шутками, дружно.

В этот неписанный распорядок входило и сидение у костра по вечерам. Оно не отменялось даже в дождливую погоду. Перед сном все сходились вместе поговорить о впечатлениях дня, поспорить, послушать интересные истории.

Чаще других в роли рассказчика выступал Иван Александрович. Он знал много, успел побывать на Новой Земле и в горах Памира, объездил необъятные сибирские просторы и плавал по Черному морю. Он очень задушевно, неторопливо вел рассказ, заражая слушателей настоящим интересом.

Во время этих рассказов Миша норовил подсесть поближе к Ивану Александровичу и слушал, боясь пропустить хоть слово. Другие перебивали, переспрашивали, а он только сердился про себя на эти помехи. Ему хотелось, чтобы истории, которые рассказывал этот спокойный, много видавший на своем веку человек, длились без конца.

В тот вечер, когда ушли из Усть-Улса, разговор зашел о Вишере, о ее истории. Одно время, как рассказывал Иван Александрович, в конце XVI века, здесь проходил путь из Руси в Сибирь. По Вишере и ее притокам поднимались на Уральский

хребет, потом переваливали его и по другим речкам спускались в Сибирь.

Но этот путь просуществовал недолго. Когда соликамский крестьянин Артемий Бабинов нашел более короткий и удобный путь из Соликамска к реке Туре, то для сношений с Сибирью стали пользоваться им.

Зато Вишера еще долго оставалась воротами, через которые врывались в Прикамье отряды сибирских татар и союзных с ними мансийских князьков.

Дядя Гриша, подбросив дров в костер, повернулся к Ивану Александровичу.

— Илья Васильевич, — он кивнул в сторону Мишиного отца, — говорил сегодня, что здесь когда-то французы хозяйничали. Что они тут делали?

Иван Александрович ответил вопросом на вопрос:

— Кирпичное строение в Усть-Улсе видели? В нем сейчас склад. Так вот, это строение, развалины Кутимского завода да еще та самая каменная насыпь в реке, которую нам сегодня пришлось преодолевать, вот, пожалуй, и все, что осталось на Вишере после деятельности акционерного общества с французским капиталом.

Иностранцы вообще были не прочь урвать кусок пожирнее от русского пирога, благо царское правительство им в этом не препятствовало. Появились иностранные капиталисты и на Урале.

В 90-х годах прошлого столетия Волжско-Вишерское акционерное общество, созданное на французских капиталах, попыталось освоить богатства Вишерского края. Были пущены железодельные заводы в Кутиме и Велсе, строился Вижаихинский

завод, по речке Кутим, притоку Улса, велась добыча золота.

Но уже в начале нынешнего века заводы один за другим позакрывались. До революции дожил лишь золотой прииск. Не под силу оказалось французским толстосумам освоение сурового Вишерского края, не выдержали они конкуренции с другими заводами, находившимися в более благоприятных условиях.

— А навредить, однако, успели, — сказал в заключение своего рассказа о минувших днях Иван Александрович. — Обратили внимание, сколько березника по берегам встречается? Это лес, выросший на месте вырубок. Хищнически ведя хозяйство, концессионеры порубили лес прежде всего по берегам Вишеры. А на порубках первыми растут береза и осина. Потом уже только развиваются хвойные породы. В конце концов они вытеснят лиственные деревья, но на это в общей сложности потребуется не меньше ста лет. А хвойный лес нужней, из него бумагу делают.

Когда зашел разговор о бумаге, Мише подумалось о бумажном комбинате в его родном Красновишерске. Он несколько раз бывал на нем с экскурсиями. Лучшую в стране бумагу делают на Вишере! Недаром на ней печатают сочинения Владимира Ильича Ленина...

Начиная с ранней весны и до самой поздней осени, плыли мимо Мишиного дома бревна. Одни проплывали бойко, уверенно держась в основной струе. Другие плыли медленно, тяжело ударяясь ободранными боками в отбойные боны.

Ниже по реке их ловили в запонь. Часть бревен

выгружали на берег, запасали на зиму. А часть заплывала в бассейн, из которого их извлекали при помощи специальных лесотасок.

Дальше начиналось прямо-таки головокружительное превращение бревна в бумагу. Его обдирали, дробили, растирали, варили с кислотой, отбеливали хлором...

Миша часами мог смотреть, как на громадной, в два этажа, машине отливали бумагу. С одного конца на тонкую металлическую сетку лилась жидкая масса, а на другом ее конце шла уже бумага. Момент перехода жидкой массы в плотную бумагу невозможно было углядеть, он был неуловим, ускользал...

Задумавшись, Миша перестал следить за общим разговором. А когда вновь стал прислушиваться к нему, речь шла уже о настоящем Вишерского края, о его будущем. Отец, отхлебывая из эмалированной кружки густой, фиолетового оттенка чай, рассказал об исчезнувших деревнях и о возникших на берегах Вишеры новых поселках.

— Помните, — повернулся он к Ивану Александровичу, — деревню Половинку? На карте она есть, а в самом деле — одна крапива осталась. Повыше Велса тоже такая пропавшая деревня есть — Чувал. Зато на карте опять же многих поселков нет. Как грибы растут. Ныне лесу здесь много заготавливать стали.

И Миша сразу вспомнил и деревню Чувал, и новый поселок лесозаготовителей Сосновец, который проехали сравнительно недавно. В заброшенной деревне осталось лишь несколько посеревших от времени столбов. А в новом поселке рядами стояли

обшитые свежевыструганными досками дома, сушилось на веревках белье, лаяли собаки, слышался шум мотора. И весь он, этот поселок, белевший на лесистом вишерском берегу, заметный изда-лека, выглядел весело, приветливо.

Новые дома, впрочем, белели не только в этом поселке. Много их появилось за последние годы на берегах Вишеры. Заметно больше стало народа, больше стало на реке лодок с подвесными моторами. Про них дядя Гриша сказал однажды так:

— Здесь их, как в городе велосипедов.

Иван Александрович, выслушав отца, помолчал немного, потом заговорил:

— Богат здешний край, очень богат. Леса необо-зримые, могучие. Альпийские луга на горах богатейшие. А в самих горах тоже немало всякого добра. И железо есть, и золото. Не так давно алмазы нашли. Осваивать здешние богатства еще только начинают. Вот поселки растут, заготовки леса стали больше. Сейчас дорогу прокладывают из Красновишерска на Велс. Первая в здешних краях на-стоящая дорога. А то здесь все больше на волоку-шах ездили. Так ведь, Иван Васильевич?

Отец утвердительно кивнул. А Иван Александрович, поворошив палкой угли в костре, продолжал:

— Когда-нибудь проложат здесь железную доро-гу из Соликамска на Красновишерск и дальше на север. Есть проект — построить в районе камня Писаного гидростанцию. Одним словом, по-друго-му заживет Вишера. А пока, — заключил он неожиданно, — мы даже не знаем толком, откуда она течет, где берет начало.

С минуту все молчали. Неожиданный поворот

мысли рассказчика удивил всех. Иван Александрович между тем усмехнулся и, повернувшись к отцу, спросил его:

— Не бывали у истока, Илья Васильевич?

— Не доводилось... — покачал головой отец.

— А что рассказывают о нем?

— Разное... Кто говорит, что из болот начинается, кто — из ключей. Определенно, пожалуй, никто не знает. Разве что манси. Они, наверно, там с оленями бывают.

— Да, манси там бывают, — откликнулся Иван Александрович. — По их рассказам выходит, что Вишера берет начало на склонах Пурминского камня и питает ее небольшой ледник. Если они говорят правильно, то этот ледник — самый южный на Урале. Надо все эти сведения проверить, и если они подтвердятся, то это будет хоть и маленьким, но все же открытием в географической науке.

Миша даже привстал. Вот тебе и на! Оказывается, на Вишере можно сделать какое-то географическое открытие. Этого он никогда не думал. Впрочем, не только он. Отец тоже удивленно поднял брови. Ему, наверно, еще обидней: всю жизнь на Вишере прожил, а откуда она берет начало — не знает.

Иван Александрович потянулся, расправляя плечи.

— Хорош у нас катер, — широко улыбнулся он. — Но до истоков на нем не добраться. Живы будем, на будущий год обязательно побываю у начала Вишеры. Пойдешь со мной, а? — повернулся он к Мише.

Миша даже покраснел от удовольствия. Конечно, пойдет! Но вслух ничего не сказал. Не торопясь, по-взрослому, кивнул утвердительно: согласен.

РЕЛИКТ

Темная щетина леса, растущего на высоком берегу, четко выделяется на фоне еще совсем светлого неба. Внизу, в расщелинах и у воды, начинает гнездиться ночь. На дне реки ночь уже полновластная хозяйка. Темнота стерла веселую игру световых солнечных пятен на перекате,

стала совсем непроглядной в глубоком омуте у подножья скалы.

Из этого омута неторопливо выплыл громадный, больше метра длиной, таймень. Когда-то, лет десять-двенадцать назад, он любил выходить на перекат днем, любил, выпрыгнув из воды, увидеть на миг нестерпимое сияние дня. Но вот уже много лет как любимым временем охоты для него стала ночь. Днем он забирается под широкий выступ скалы и отдыхает. Только с наступлением темноты или хотя бы белесых июньских сумерек покидает свое убежище.

На этом плесе — он хозяин. Крупней его здесь нет ни одной рыбы. И почти нет такой рыбы, которую он не смог бы заглотить.

Поднявшись вдоль крутого подводного откоса, таймень постоял за небольшим выступом. Он не видел в темноте, нет. Но он как-то по-особому чувствовал все, что происходило вокруг. Водные струи приносили ему своеобразные сигналы, колебания, которые улавливались организмом рыбы так, как улавливает человек цвета и звуки.

Где-то неподалеку проплыла стайка небольших хариусов. Вот один из них начал скатываться по течению... Вот он уже метрах в двух... Мощным броском таймень послал свое тело вперед. Зубастые челюсти со страшной силой сжали хариуса, ломая ему кости. Еще миг — и хариус проглочен.

Таймень поплыл к перекату. Здесь было кормное место. В самом конце переката на дне реки лежал большой черный валун. Но поверхности его не было видно, только вода взбухла в этом месте большим буруном.

Таймень любил стоять за этим валуном, улавливая в бешеной пляске струй сигналы, рассказывающие о том, что делается на перекате. Едва заметными движениями плавников он удерживал свое тяжелое, брусковатое тело на одном месте.

Здесь, в конце переката, всегда кормились хариусы. Они выходили большими стаями, поджидая, когда вода принесет зазевавшегося овода, упавшую в реку бабочку или не сумевшего справиться с напором течения гольяна. А старый хищник-таймень, в свою очередь, ждал, когда какой-нибудь хариус подплывет поближе. Тут уж он не знал пощады.

В эту ночь охота не была успешной. Небольшой хариус да чуть ли не сам заплывший в пасть гольяничик только раздражили аппетит.

И вдруг таймень почувствовал, что где-то недалеко плывет большая рыбка. Он чувствовал это по ее неуверенным движениям. Она то начинала плыть быстро, то вдруг совсем замирала, безвольно отдаваясь во власть течения.

Большая рыба — верная добыча. Таймень стоял по-прежнему неподвижно, но он уже был готов к молниеносному броску. Вот рыбка приближается... Вот она вдруг пошла в сторону... Вот совсем близка...

Бросок! Со страшной силой сжимают челюсти добычу. И сразу же вспыхивает в пасти боль.

В первый момент таймень оторопел. И тут же почувствовал, что какая-то сила тянет его наверх. Тогда он бросился от переката вниз по течению, норовя укрыться под скалой. Но не смог преодолеть сопротивление неведомой силы, которая жгучей болью рвала челюсти.

Тогда он попытался освободиться. Легко перекинув могучее тело через голову, навалился спиной на то неведомое, что тащило, что грозило смертью. На момент почувствовал что-то упругое, а в челюстях вновь вспыхнула боль. В следующее мгновение его опять потянули вверх.

Рыбина бросалась то вверх по течению, то вниз, спускаясь на дно, упираясь головой в камни, выпрыгивала из воды. Она совсем обезумела, всем существом своим чуя смертельную опасность. Но силы таяли. Ее упрямо тянули вверх, на воздух, кромсая челюсти нестерпимой болью.

И настал момент, когда таймень сдался. Он безвольно пошел туда, куда его тащили. Полтора десятка лет назад он вывелся из икринки на галеч-

ном дне небольшого ручья, впадающего в Вишеру. Его братья и сестры гибли сотнями. Многие погибли, еще не успев вылупиться — икру ели гольяны. Многих проглотили проворные хариусы и таймени постарше. С каждым годом у тайменя оставалось все меньше ровесников. Из своего поколения он прожил дольше всех.

Вытянутый на поверхность воды, он лег на бок и тяжело волочился вслед неумолимой силе, словившей его. При неверном свете звезд вода казалась черной и густой. На фоне ее трудно было заметить длинную и узкую лодку, стоявшую на якоре. Только подведенный вплотную к ней, таймень, собрав последние силы, сделал еще одну попытку освободиться. На этот раз борьба длилась недолго. Броски рыбы скоро ослабли, ее вновь потащили. Еще мгновение — и тяжелое тело тайменя уже билось на дне лодки.

Даже здесь, вырванный из родной стихии, он продолжал сжимать пропоротые стальными крючками челюсти. Над ним склонился человек и острым ножом перерезал хребет у основания головы. Рыба чуть вздрогнула красным хвостом и затихла. Темная рыба кровь небольшой маслянистой лужицей растекалась по смоленным доскам.

Он долго жил, этот таймень. Если бы рыбы имели аристократов, то он был бы первым среди них. Предки вишерского тайменя жили в реках и озерах уже в те времена, когда на землю еще только наползал ледник.

Ледниковый период сильно изменил фауну Земли. Исчезали одни виды, возникали другие. Там, где прошел ледник, исчезли таймени. Но там, где

его не было, таймени уцелели, дожили до наших дней.

Границы их современного распространения не совпадают с границами древнего оледенения. Кое-где таймени исчезли по другим причинам, а кое-где расселились после отступления ледника. Все же в Европе его почти нигде нет. Под именем дунайского лосося он изредка встречается в Дунае, да под местным названием лень — в некоторых притоках верхнего течения Камы, носящих горный характер, — Косьве, Яйве, Чусовой, Усьве, Вишере.

А в сибирских реках таймень — самая обычная рыба. Там его и ловить разрешают. На Вишере же и в других реках западного склона Урала он находится под охраной закона как редкая, реликтовая рыба...

Речь дяди Саши текла неторопливо. Он то и дело прерывал ее, попыхивая трубкой, зажатой в кулаке. И тогда пальцы его становились розовыми, словно светились изнутри.

— Ты знаешь, что такое реликт? — спросил он после недолгого молчания.

— Угу, — кивнул Миша, хотя кивка его дядя Саша, конечно, разглядеть не мог. Он действительно помнил объяснение школьного учителя о том, что реликты — это живые организмы, сохранившиеся в неизменном виде с очень давних, доледниковых времен.

Помолчали. Вода с легким всплеском ударяла в нос лодки и, еле слышно журча, неслась вдоль бортов. Над бортами, словно усики гигантского насекомого, торчали два коротких удилища. От их вершин тянулись длинные, метров по пятнадцать,

лески. На концах лесок было привязано по небольшой блестящей металлической рыбке — блесне, и по несколько искусственных мушек.

Больше часа гоняли Миша и дядя Саша лодку вверх и вниз по плесу, ведя ее зигзагами. Поймали несколько некрупных хариусов, а потом блесну схватил гигант-таймень. В борьбе с ним потеряли счет времени, и теперь отдыхали.

Посидев некоторое время молча, поехали к месту бивака. Миша сидел на корме и гнал лодку ударами весла. Дядя Саша устроился на середине, к нему спиной.

На биваке все спали. Костер догорел, под густым слоем пепла едва угадывались несколько тлеющих угольков. Дядя Саша сдул пепел, поддел красный уголек щепочкой и стал раскуривать им трубку. Раскурив, долго еще сидел, задумчиво глядя, как догорает горсть сучьев, подброшенная в костер.

В палатку он залез, тяжело сопя, и, уже улегшись, сказал вдруг, словно зная, что Миша не спит:

— А жаль его... Красавец...

Еще помолчав, снова заговорил:

— У нас официальное разрешение есть на отлов тайменей. С научной целью. Не подумай, что браконьерствуем...

Миша молча улыбнулся. Исчезло неприятное чувство, все время копошившееся в глубине его души.

Через несколько минут он заснул и видел во сне темную реку, из которой то и дело выпрыгивали большие и красивые рыбы.

ИНЖЕНЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

— Во-он на ту большую елку держи! — показал моторист Николай.

— Это не елка. Это кедр, — возразил Миша.

— Ну, пускай кедр. Все равно на него надо направление держать. Понял?

Миша не ответил. Он крепко вцепился в черную отполированную «ба-

ранку» рулевого управления, прямо сросся с ней. Сегодня, уступив наконец настоятельным просьбам, Николай усадил Мишу на свое место.

В первые минуты все было хорошо. Катер уверенно шел вперед, нос его был направлен прямо на большой кедр, возвышавшийся над лесом около поворота реки. У Миши даже мелькнула мысль, что это совсем, оказывается, не трудно — управлять катером...

Но как раз в этот момент он заметил, что нос катера забирает влево. Миша немного повернул колесо вправо. Катер, однако, продолжал разворачиваться влево. Миша еще крутанул колесо вправо, налег на него. Медленно, словно нехотя, вправо пошел и нос судна.

Миша поставил колесо в прежнее положение и стал искать глазами высокий кедр. Но тут же увидел, что катер все сильнее забирает вправо, и вновь сбился с курса. Снова повторилась та же история: Миша крутил колесо в одну сторону, суд-

но шло в другую. Потом оно начинало разворачиваться в нужном направлении, но не задерживалось на правильном курсе.

На лбу у Миши выступил пот. Он начинал понимать, что самое важное — вовремя находить момент, когда пускать рулевое управление в ход. Вот, кажется, начинает получаться... Ага! Не пушу в ту сторону! Так...

Николай, сидевший рядом, ухмылялся.

— Чего это катер-то у тебя, вроде выпил лишнего? От берега до берега гуляет.

Мише некогда было отзывать на эти насмешки. Мало-помалу он начал осваиваться. Конечно, нет-нет да и «рыскнет» суденышко в сторону. Однако Миша с каждым разом все уверенней возвращал его на нужный курс. Пошло дело!

Вечером он с удовольствием вспоминал часы, проведенные за штурвалом. Правда, Николай постоянно давал советы, но управлял-то судном он, Миша! Куда интересней управлять рулем, чем сидеть без дела на палубе.

После ужина Миша решил съездить на рыбалку. Они с отцом отвязали лодку, спустили ее на воду. Миша взял удилища, лески с мушками, подсачок. По совету отца поехал вверх, за ближайший поворот. Там, в конце переката, должны стоять харнусы.

Харнусов оказалось действительно много. То и дело кончик удилища, укрепленного на борту лодки, начинал дергаться. Тогда Миша быстро спускал с крючка веревку, удерживающую укрепленный на носу якорь. Он с шумным всплеском падал в воду, лодка останавливалась. А Миша в это

время резко цеплял кормовым веслом лесу — подсекал рыбу.

Увлечшись, он не заметил, как невдалеке показалась лодка. И только когда стук подвесного мотора зазвучал совсем рядом, Миша увидел, что лодка направляется к нему.

Выключив мотор, кто-то крикнул:

— Эй, не видел, водометка не проходила?

Голос показался очень знакомым. Кто бы это мог быть?..

Лодка между тем подошла вплотную. Сидевший в ней человек ухватился за борт Мишиной лодки, остановил свою. Нагнувшись вперед и пытаясь разглядеть Мишу, он повторил свой вопрос:

— Водометки не видел здесь, слышь, паря?

И тут Миша узнал его. Ну, конечно же, это дядя Вася, их сосед. Летом он редко бывает дома, на сплаве работает. Зато зимой часто заходит к отцу, и они целыми вечерами сражаются в шашки.

— Вам какую водометку, дядя Вася? — спросил Миша.

— Никак Михаил? Ты что здесь, рыбачишь? А отец где?

Узнав, что Мишин отец находится на привале и что водометный катер действительно стоит неподалеку, дядя Вася обрадовался.

— Вот это хорошо! Поедем, паря, к привалу. Мне, понимаешь, уговорить их надо.— Достав папиросу и закулив, он продолжал:

— В беду мы попали. С зачисткой идем. Тут старика одна есть, лесу в нее попало — страсть. Вытянуть его не можно — мелко, песком горловину затянуло. Лебедки поставить негде, а руками, сам по-

нимаешь, по бревнышку не натаスカешься. Неужто не помогут?

— Помогут, — обнадежил Миша.

Он знал, что такое зачистка. После того, как с весенним паводком пройдет основная масса леса, который сплавляют моём, россыпью, на берегах обмелевшей реки остается масса бревен. И тогда выделяется специальный отряд сплавщиков для сталкивания обсохшего леса. Он медленно движется сверху вниз, подолгу задерживаясь в местах, где скопилось много обсохшего леса. Домой сплавщики попадают лишь к осени.

Оуок, брошенный дядей Васей, описал светящуюся дугу и исчез в темной воде. Сразу же затрахтел мотор. Связанные борт о борт лодки дружно тронулись к месту привала...

Ранним утром, когда над рекой клубился туман, местами белесый, местами молочно-белый, катер подошел к горловине большой старицы. Редкая в этих местах широкая песчаная коса, кое-где покрытая побелевшей от росы чахлой травой и редкими кустами, отделяла ее от основного русла.

Старица, насколько хватал глаз, была забита бревнами. Часть из них лежала на песчаной косе, и казалось, что никакая сила не сдвинет эти бревна, по-вишерски «баланы», с места.

Дядя Гриша, стоявший на носу, только свистнул, когда увидел всю эту картину. Катер вылез носом на песок и остановился. Здесь, на конце косы, его уже поджидало человек десять-двенадцать сплавщиков, одетых в высокие резиновые сапоги и брезентовые костюмы. Пока взрослые знакомились, Миша выпрыгнул на берег и пошел по косе.

Песок был белый, плотный. Если идти вдоль кромки воды, то на песке не оставалось следов. Чем дальше, тем коса становилась выше и шире. Миша прошел метров двести, прежде чем увидел конец старицы. Здесь коса вновь понижалась и становилась уже, образуя заметный перешеек.

На перешейке были видны глубокие борозды. Миша сообразил, что здесь рабочие перетаскивали бревна. Постояв и посмотрев вокруг, он направился обратно.

Когда он подошел к катеру, то услышал, что дядя Гриша и дядя Вася оживленно разговаривают. Остальные молча слушали их, лишь изредка вставляя свои замечания.

— Помочь-то надо... — басил дядя Вася.

— Конечно, надо, — вторил ему дядя Гриша. — Только вот как? Если по бревну таскать, нам работы на неделю хватит. Нет, тут инженерное решение нужно. Давай шевели мозгами, предлагай что-нибудь.

— Горловину углубить надо, — почесал в затылке дядя Вася.

— Само собой. Только это мало поможет. Течения здесь нет? Нет. Все равно каждое бревнышко тянуть да толкать придется. Вот еще бы косу эту где-нибудь перерезать...

— Попробовать можно... — задумчиво сказал рабочий в сдвинутой на одно ухо зимней шапке. Он зачем-то выдернул багор, воткнутый в землю, посмотрел на него и снова воткнул. После этого повторил уже более уверенно:

— Можно!

— Верно, можно! — не выдержал Миша.

Через полчаса, осмотрев все на месте, дядя Гриша составил план действий. Прежде всего нужно углубить горловину старицы. Это сделает катер. Рабочие в это время начнут рыть на перешейке канаву. Потом катер подойдет к ним на помощь. Только ему придется для этого проплыть по всей забитой бревнами старице. Со стороны реки он мало чем поможет — там течение сильное и галечника много.

А еще через несколько минут Миша стал свидетелем и участником удивительного плавания. Горловину пересекала узкая песчаная грива. Воды над ней почти не было. Катер сначала подошел к этой гряде, потом вылез на нее. Мотор работал не переставая. За кормой вода вспенилась и пожелтела. Насос вместе с водой гнал песок.

Николай несколько раз повторял этот маневр в разных местах гряды. Потом он развернул катер и подошел к мелководью кормой. Нос судна закрепили двумя тросами на берегах, после этого мотор вновь заработал. Мощные струи воды минут через десять окончательно смыли песчаную преграду. Катер развернулся на месте и вошел в старицу.

Свободной воды здесь почти не было. Бревна местами громоздились друг на друга, местами плавали сплошной массой. Катер осторожно продвигался вперед. Стоявшие на носу участники экспедиции баграми старались отвести бревна в стороны, расчистить путь. Поначалу это удавалось. Но вот доплыли до такого места, где растолкать бревна не смогли. И хотя впереди виднелось довольно значительное зеркало чистой воды, добраться до него, казалось, было невозможно.

Николай отвел катер назад, затем сразу же дал полный ход вперед. Катер полез на бревна, подминая и топя их своей тяжестью. Мотор надсадно завыл. Был момент, когда Мише показалось, что они окончательно застряли. Но судно продолжало двигаться. Вот, бешено крутясь, вынырнуло сзади одно бревно, сверкая белизной только что ободранного бока, за ним другое, третье... Вот, наконец, и чистая вода.

— Прямо ледокол! — восхищенно заметил дядя Вася.

— Лесокол! — поправил дядя Гриша. — Вернее — лесодав.

До перешейка осталось совсем немного, когда наткнулись на новую коварную преграду. Старица здесь заметно обмелела и перелезть через бревна не было никакой возможности. Они ложились на дно, выставляя мокрые коричневые спины и, казалось, готовы были погибнуть, но не пропустить катер вперед.

Однако дядя Гриша не терял времени даром. Не успел Миша оглянуться, а он уже собрал вокруг себя рабочих и что-то объяснял им. Одна группа начала расталкивать бревна около перешейка, другая стала заводить трос за две росшие рядом на берегу большие сосны. Конец его намотали на барабан небольшой лебедки, укрепленной на носу катера.

Все люди перешли с катера на берег. Дядя Гриша махнул Николаю:

— Давай!

Николай включил мотор, а затем и передачу на лебедку. Барабан медленно начал вращаться. Трос

натянулся, зазвенел, а деревья, за которые он был укреплен, задрожали.

Сантиметр за сантиметром наматывался трос на барабан. И точно так же — сантиметр за сантиметром — полз вперед катер по мокрым бревнам. А когда тяжело сполз с последнего бревна в воду, Миша закричал во все горло:

— Ура-а-а! Наша взяла!

Вместе с ним закричали, замахали шапками и взрослые. Только дядя Гриша молча улыбался.

Потом катер развернули кормой к перешейку, закрепили его. И вновь мощные струи начали размывать песок. Рабочие энергично помогали лопатами. Коса подалась не сразу. С ней пришлось повозиться. Прошло не меньше двух часов, пока первые струйки вишерской воды начали пробиваться в тихую заводь.

Чуть ниже входа в канал со стороны реки рабочие набросали больших камней, укрепили между ними несколько бревен. Яростно ударяясь о них, вода хлынула в канал. В тихой старице потянуло свежей струей, началось движение. Бревна стали сбиваться к выходу из старицы. Там их встречали рабочие с баграми и проталкивали через горловину.

Катер тем временем начал крейсировать по старице, толкая бревна носом, гоня их на чистую воду. В нескольких местах он лебедкой помог растащить завалы. Бревна дружными стайками поплыли вниз по реке.

Солнце клонилось к горизонту, когда экспедиция снова тронулась в путь. Рабочие, стоя на косе,

махали вслед трудолюбивому суденышку. С палубы катера им отвечали.

А когда коса скрылась из глаз, дядя Гриша повернулся к Мише и весело подмигнул ему:

— Понял, что такое инженерное решение!

БЕСПОКОЙНЫЕ ЛЮДИ

Это утро выдалось невеселое — пасмурное, ветренное. Торопливо ползли тяжелые тучи, неряшливо размазывая по небу свои темные клочья. Миновав Вишеру, они натыкались на каменные громады гор.

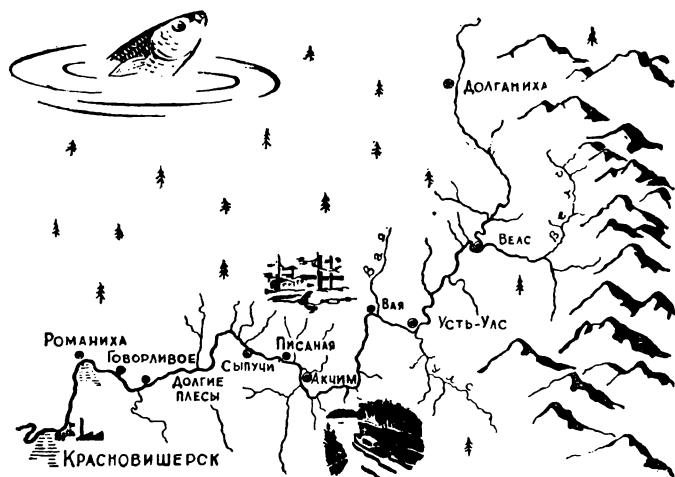
Чем дальше от Усть-Улса, тем выше вздымаются на горизонте горы, тем ближе подступают они к Вишере, стискивая ее в каменистом ложе. В районе Усть-Гаревой над всей местностью господствует Голый Чурок. Остался он позади, скрылся за лесами, а за Велсом поднялись две Юбышки — Малая и Большая. За Приисковой — последним поселком в этих краях вздымается Чувал.

На вершинах гор исчезла густая тайга. Склоны кажутся лоскутными: лишь у подножья покрывают их леса, выше они редуют, а еще выше — только серые каменные осыпи, причудливые нагромождения каменного царства.

На одной из вершин каменные глыбы создавали

полную иллюзию небольшой деревеньки. Несколько беспорядочно разбросанных домов, большие и маленькие амбары... Казалось, вот-вот покажется над деревней дымок, видны станут люди на ее улице.

Миша взял у Ивана Александровича большой тяжелый бинокль и долго рассматривал эту вершину.

— Петушиный гребешок, — сказал отец, показывая на нее. — Это отсюда кажется, что там деревня. А немного дальше проедем, на петушиный гребень гора-то будет смахивать.

Даже бинокль, в который одинаково интересно было смотреть с обеих сторон, не радовал сегодня Мишу. Сегодня последний день они с отцом плывут

на катере. Еще заночуют вместе с экспедицией, а завтра — в обратный путь. Катер пойдет дальше, на север. Правда, кажется, недалеко. Но все же пойдет вперед. Им же с отцом пора назад. Они будут плыть вниз по течению, делая остановки в тех местах, где больше хариусов. Наловят их много-много и засолят в бочонке, предусмотрительно захваченном с собой. Ничего не поделаешь — у отца кончается отпуск, и он торопится домой.

Близкую разлуку чувствуют все. Дядя Саша не ловко погладил Мишу по голове и усиленно запыхтел трубкой. И хотя он ничего при этом не сказал, Миша понял: дяде Саше жаль лишаться такого спутника на рыбалке. Сколько можно было бы еще для науки рыб выловить! Дядя Саша всех бы их взвесил, измерил, долго бы рассматривал их чешуйки в микроскоп, некоторых рыб обязательно «замариновал» бы (так дядя Гриша говорит) в банках с формалином. Просто так ловить рыбу, не для науки, теперь Мише кажется неинтересным.

Из кабины вылез дядя Гриша. Усадив Мишу рядом с собой на палубе, он заводит разговор издалека.

— Чего школьники больше всего боятся?

Миша не знает, что и ответить. Верней, не знает, какую каверзу готовит веселый дядя Гриша. Он такой...

— Молчишь? Так я сам скажу. Больше всего школьники боятся экзаменов. Зато помнят их долго. И то, что учили к экзаменам, тоже долго помнят. Вот я тебе решил поэтому экзамен устроить. Чтобы ты дольше помнил. Все — и плавание наше, и мои объяснения. Согласен? Впрочем, если даже

и не согласен, экзамен все равно будет. Давай, друг, поднимайся. Сейчас все мне покажешь, что в нашей технике знаешь.

Часа полтора после этого лазали они по всему катеру. Миша рассказывал о различных частях судна и объяснял, как они устроены. Когда он показал и рассказал все, что знал, дядя Гриша задал ему вопрос:

— А как, по-твоему, у какого движителя коэффициент полезного действия больше, у винтового или водометного?

Миша успел по-настоящему полюбить катер и поэтому не стал раздумывать над ответом. Для него маленький водометный катерок мог иметь только достоинства. Оказалось, что это совсем не так. То, что воду приходится засасывать на судно и гнать по трубе, где вода должна преодолевать силы трения, снижает коэффициент полезного действия. Винтовые суда в этом отношении выгодней.

Было бы неправильным создавать водометные суда, как конкуренты винтовым. Нет, в обычных условиях винтовые суда лучше. Но только в обычных условиях. По мелководью, по сильно заросшим и засоренным водоемам они плавать не могут. Водометные суда здесь бывают незаменимы. И неудивительно, что ими заинтересовались прежде всего сплавщики. Миша сам убедился, как может им помочь даже один катер. Да и на сплавных рейдах, фарватеры которых очень захламлены — тут и топляки, и тросы, и много других препятствий, — им работы хоть отбавляй. Они уверенно плавают повсюду, деловито таская за собой длинные «пленки» — сцепленные лентами пучки бревен, из

которых формируются плоты. Применение этих катеров позволяет сберечь большие средства.

Перед Отечественной войной инженер Хренников создал в Красноярске удачную конструкцию водометного судна. А вскоре после войны профессор Александр Поликарпович Кужма, живущий сейчас в Перми, сконструировал катер, на котором плывет наша экспедиция.

— Этот самый? — переспросил Миша, легонько потопав ногой по палубе.

— Ну, конечно, не этот самый, — улыбнулся дядя Гриша. — Он придумал и разработал конструкцию, а на заводе по этим чертежам стали изготавливать катера. Вот один из них и достался нам. Александр Поликарпович изучит результаты испытаний и внесет усовершенствования в его конструкцию. Он вообще большой энтузиаст применения водометных судов. Сейчас работает над конструкцией водометного бульдозера.

Опять Мише пришлось удивляться. Он видел бульдозеры — мощные тракторы с большими и тяжелыми ножами впереди. Что же такой неуклюжей машине делать на воде?

Дядя Гриша пояснил:

— На водометном катере укрепляют бульдозерный нож. Им катер толкает древесину на мелководье, сгруживает ее, гонит к сортировочным сеткам. Кроме того, он может и дно на полметра углубить, и как обыкновенный буксирный катер работать. Интересная машина!

...На несколько километров протянулся длинный прямой плес. В нижнем и верхнем концах его виднелись небольшие острова. Когда миновали верх-

ний островок, река сделала поворот, за которым стала видна на берегу небольшая избушка.

— Долганиха, — сказал отец, кивнув в сторону избушки.

— Заночуем? — спросил Иван Александрович. Отец согласился.

Когда после ужина была убрана посуда, все собрались у костра. Долго сидели молча, любуясь красотой развернувшейся перед ними картины. Менее чем в десяти километрах на восток громоздилась серая каменистая громада Тулымского камня, самого высокого хребта в Пермской области. В этот вечерний час в седловинах между вершинами стояли облака. Они были синими, с белыми краями, а снизу заходящее солнце подкрашивало их розовыми тонами. Выше облаков небо было чистое, прозрачное, светлое. И на фоне его Тулым выделялся четко, до самого горизонта шла причудливо очерченная, изломанная линия его вершин.

Миша не прислушивался к негромкому разговору взрослых. Он думал о том, что рассказывал сегодня дядя Гриша, о том, как это не просто — искать и находить.

Вспомнились и интересные слова Ивана Александровича:

— По-моему, на север идут только беспокойные люди. Здесь природа такая, что лентяев не терпит. Не сидится беспокойному человеку на месте, хочет он все познать, все себе подчинить...

Беспокойные люди... Мише нравились эти слова. И здесь, у костра на вишерском берегу, ему впервые захотелось стать настоящим беспокойным человеком. Идти на север!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Встреча на Кривой протоке	5
В экспедиции	10
У камня Говорливого	15
Без руля и без ветрил	22
Меленки	31
Откуда Вишера течет?	37
Реликт	44
Инженерное решение	50
Беспокойные люди	58

Александр Моисеевич Граевский

НА СЕВЕР!

Редактор *Б. Н. Назаровский*. Художественный редактор *М. В. Тарасова*.
Технический редактор *Г. М. Езов*. Корректоры *Н. Д. Аборкина*
М. Ф. Кузьмичев

Подписано к печ. 31 IV 1962 г.

ЛБ918137. Тираж 50000 экз. Цена 8 к.

Бумага 70×108¹/₂ бум. л. 1,125 печ. л. 2,25 усл. прив. 3,0825 Уч.-изд. 2,6 л.

2-я книжная типография облоблиграфиздата.

Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Зак. 1732.

8 коп.

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 2